

The contribution of many scholars, who were repressed during the Stalinist epoch, and whose works were either destroyed or silenced, remains poorly known. The academic career of a talented ethnographer and folklorist, a specialist in the ethnography of Finno-Ugric peoples, well-known in the academic circles in the 1920s and 1930s is the subject of the article.

N. F. Mokshin

© 1994 г., ЭО, № 6

М. Т. Маркелов

ВЫШИВАНИЕ У МАРИЙЦЕВ*

Перед этнологом, изучающим народный орнамент, всегда стояли и будут стоять два важнейших методологических вопроса. Первый: можно ли трактовать народный орнамент как одну из форм проявления материальной культуры известной этнической единицы, или же необходимо выделить его либо в нечто «надматериальное» и рассматривать как проявление духовного творчества, либо в самостоятельную область материально-духовного проявления культуры народа.

В русской этнографии существует довольно твердо установившаяся традиция исследовать орнамент в органической связи с тем объектом материальной культуры, на котором он бытует. В связи с этим перед этнологом встает и второй вопрос: можно ли при анализе народного орнамента исходить из тех же принципиальных положений, что и при анализе этнологических объектов? В этом смысле важно прежде всего решить, представляют ли одно целое орнамент и вещь, на которой бытует данный фрагмент орнамента, т. е. правомерно ли рассматривать как нечто единое рубаху и вышивку на ней, избу и резьбу на ней, гончарное произведение и орнамент на нем и т. д. Будет ли то и другое отражать единую культурную среду или же эта среда может оказаться одной для орнамента и другой для самого предмета?

Итак, в чем же прежде всего должно заключаться этнографическое описание вышивки как этнокультурного явления? Думаем, что такое описание предполагает предварительное изучение шести главных вопросов. Три из них требуют от этнолога применения искусствоведческого подхода. Это: 1. Материал, при помощи которого наносится вышивка, и материал, которым наносится вышивка. Окраска того и другого. 2. Техника, обусловленная материалом, при помощи которой становится возможным овеществление вышивки и придание ей соответствующей художественной формы. 3. Художественная форма, в которую отливаются два первых условия. Далее следуют специфические вопросы, раскрывающие историко-культурное значение вышивки. К ним относятся: 4. Этническая и культурная среда бытования вышивки. Она раскрывается путем определения культурного и этнического места того объекта, на котором бытует вышивка, и учета локализации известных фрагментов вышивки по отдельным частям объекта (одежды, украшений, предметов домашнего обихода). 5. Этнографическое зна-

* Данная работа — фрагмент раздела «Вышивание» из неизданной книги М. Т. Маркелова «Одежда мари-черемис», написанной во второй половине 1920-х годов (рукопись книги хранится в Мордовском республиканском краеведческом музее, ф. 3191, № 3—8; фрагмент рукописи подготовлен для журнала заведующей сектором письменных источников музея Т. А. Шигуровой). В работе сохранены принятые в 1920-е годы названия административно-территориальных единиц и населенных пунктов.

чение вышивки. Раскрыть его можно путем анализа современного и прошлого смысла вышивания, путем фиксации обрядового, символического, религиозного, житейского и эстетического значения вышивки и ее отдельных частей (элементов). 6. Народная терминология вышивки.

Не имея возможности всесторонне осветить эту сложную проблему, ограничим себя рассмотрением вопросов, непосредственно связанных с марийской одеждой, описание которой было бы обескровлено без анализа вышивки и бытовых сторон вышивания. Для формально-этнологического описания вышивки мы возьмем район, наиболее изученный в этом отношении экспедицией, а именно Марийский кантон Марийской области.

Говоря о вышивании в целом, необходимо прежде всего отметить некоторые общие положения, помогающие вскрывать в этой области народного творчества черты, связывающие вышивку со всей многогранностью народного быта мари. В д. Ковак-Сола марийка-язычица Марфа Еньгова рассказала следующую легенду о происхождении вышивки. Расстелила марийская женщина после побелки холст на лужочке. Холст был посконный, но такой белизны, как первый зимний снег. В это время по задворкам проходила «мланда-ава» — богиня плодородия, которая несла в подоле зерна овса («шүлье-пырче»). Увидала она белоснежный холст и сказала: «Такой хороший холст, посею на нем овес, пусть останется память моя». И разбросала на холсте по его краю («түр») зерна овса. Эту легенду марийка рассказала применительно к одному термину вышивки: «шүлье-пырче» — овсяное зерно. Легенда связывает происхождение вышивки с женщиной — богиней плодородия. Творцом вышивки у мари и в настоящее время является женщина; именно она вкладывает в вышивание свои физические и духовные силы. Марийка начинает обучаться мастерству вышивания с детских лет, гораздо раньше, чем шитью и даже прядению и тканью. В весенние дни можно видеть девочек, которые учатся вышивать под наблюдением своих матерей. Обучение девочек вышиванию имеет такое же значение, как обучение мальчиков плетению лаптей. Систематическое обучение и тех и других осуществляется примерно с восьмилетнего возраста. Девочка, начинающая вышивать, уже знает, что она вышивает себе рубаху к замужеству, первую рубаху, которая ей стоит очень многих усилий, горчений и слез. В некоторых селах и сейчас эта первая вышитая рубаха хранится женщинами как драгоценность. Так, в той же Ковак-Соле пришлось видеть у Марфы Еньговой такую рубаху, аккуратно сложенную и спрятанную в сундук. Любопытно, что первая рубаха, вышитая девочкой, шьется с учетом роста не матери, а бабушки со стороны матери даже в том случае, если эта бабушка живет в другой деревне.

Казалось бы, что обучение легче начинать с простейших элементов вышивки — стежков. В марийской же практике мы видим обратное. Девочку обучают сначала самому трудному приему: прокладыванию контура рисунка черной нитью, т. е. прививают ей прежде всего непосредственный навык осмысления рисунка в целом, ибо контур является как раз тем трафаретом, по которому заполняется вся вышивка. Девочка, следовательно, в первую очередь усваивает целиком весь комплекс отдельных узоров. С каждым названием узора в ее сознании ассоциируется определенное контурное зрительное восприятие. Лишь по исполнении контура вышивки ее обучают заполнению его отдельными элементами узора разных цветов.

По свидетельству марийских женщин, на вышивание первой рубахи у девочки уходит обычно от двух до четырех, а бывают случаи, что и до шести весен. Как бы то ни было, девочка, вышивая себе брачную рубаху, приобретает права гражданства среди девушек, готовящихся к замужеству. С этого времени она — законная участница посиделок и специально девичьих праздников, она — девушка-невеста. Теперь она присоединяется к другим девушкам и обучение становится взаимным. Подруги собираются на посиделках и шутя, весело и быстро, готовят к свадьбе одежду себе и другим, а также подарки родным. Нам приходилось наблюдать это в тех районах Марийской области, где большое распространение

имеют двухэтажные клетки с балкончиками наверху (например, в д. Кокшомарах Звениговского кантона). Клеть является тем местом, где девушка бережет свое приданое и где ей в будущем как молодой придется начинать свою новую жизнь замужней женщины. Здесь, в клетке, вскоре после замужества молодуха устраивает свой уголок. У невесты в клетке хранится вся ее девичья работа для приданого, а также ее собственный гардероб, уложенный в сундуки и короба или развешанный по перекладинам клетки («кашта»). Сюда она впускает своих самых близких подруг. Здесь же перед клетью в весеннее время собираются подруги невесты дошивать подарки будущим родным в том случае, если она не успела закончить этой работы до обручения. Как правило, девушка-невеста вышивает рубаху своему жениху и всем мужчинам со стороны жениха, начиная со свекра, а подруги невесты вышивают и шьют подарки женщинам со стороны жениха.

Процесс вышивания приданого и подготовки свадебных подарков бывает чрезвычайно напряженным: часто эту работу девушкам необходимо проделать в очень короткий срок, что и заставляет торопиться. По тому, как девушка вышивает на таких девичниках, оценивают ее искусство. Техника вышивания в это время достигает своего апогея. Нередко говорят, что девушка шьет «не глядя», шьет «закрыв глаза», шьет «слепой». Вышивание перед свадьбой продолжается иногда не только днем, но и ночью, не только при дневном и керосиновом (а прежде лучинном) освещении, но и лунном. Вышивание при луне и самими мари́йцами считается верхом проявления этого искусства. «Я при луне вышивала», — до сих пор с гордостью заявляет порой мари́йка-старуха. Нужно сказать, что вышивание при луне известно не только мари, но и другим финским народностям, в частности мордве.

Говоря о связи вышивания с бытом женщины-мари́йки, необходимо напомнить, что, и выйдя замуж, женщины не перестают вышивать. Как девушки перед клетью, так и женщины (в том числе пожилые) перед летним жилищем «кудой» часто сидят с вышиванием, эти бытовые картины мари́йской жизни можно наблюдать и сегодня. Женщины вышивают для своей семьи: сначала для мужа и его родственников, потом для своих детей.

Вышивание по-прежнему непосредственно связано с самим процессом изготовления одежды, причем вышивка в нем стоит на первом плане, ибо как раз с нее и начинается изготовление одежды. Например, Афросинья Логинова (д. Аббаево) вышила звездочку как раз посередине еще не выкроенной точи холста. На вопрос, для чего вышита эта звездочка, она смущенно ответила, что шьет своему полуторалетнему сыну рубаху и начала ее вышивкой «с глазу» — «тистэ-шинча-мэл». Вышивка «с глазу» в настоящее время распространена главным образом на детской одежде, особенно часта в Моркинском кантоне Мари́йской области и почти всегда у мари-язычников. Обычно «шинча-тистэ» прокладывается на спинной части рубашонки как мальчика, так и девочки. У девочек эта вышивка иногда варьируется, переходя в зигзаг поперек спины, выше к плечам. По мнению мари́йцев, недобрый глаз видит насквозь, если даже смотреть со спины, и, естественно, матери пытаются рассеять внимание такого глаза вышивкой на рубашечке. Надо сказать, что вышивка «с глазу» известна и некоторым другим народностям. Так, считается, что чувашские свадебные покрывала, особенно богато вышиваемые, предохранят брачную пару от порчи. У карлыганских вотяков вышивка уже почти отсутствует, но на пестрядиновых платьицах можно видеть нашитые из разноцветных лоскутков наплечики с той же целью предохранения от дурного глаза. Это — деталь вышивки, имеющая обрядовое значение.

В мужских рубахах обрядовое значение вышивки выражено наиболее ярко. До настоящего времени в некоторых районах Мари́йской области, особенно у мари-язычников, бытует вышивка на подоле мужской рубахи. Мы имеем в виду вышивку, называемую в Моркинском кантоне «трык-мэл» (вышивка мужского члена). Ее выполняет невеста для своего будущего мужа. Обрядовое, фаллически-культовое значение этой вышивки выявляется из некоторых легенд. Так, до настоящего времени помнят мари-язычники позорные случаи распарывания та-

кой вышивки на рубахе мужа женой после первой брачной ночи. Приходилось слышать о том, что в старину эту вышивку распарывали у стариков их снохи, причем объяснения смысла легенд добиться так и не удалось, хотя он как будто бы предельно ясен. Наконец, само название этой вышивки, сохранившееся в Моркинском кантоне, в ряде окружающих Морки деревень и сел, свидетельствует о ее культовом значении (нужно сказать, что у марийцев, живущих по р. Унже, эта вышивка объясняется аналогично вышивкам на детских рубашечках). Вышивка «трык-мэл» варьирует от форм самых несложных в виде звездочки, ромбика и подобных простых фрагментов до очень сложных форм целого комплекса вышивок и в зависимости от этого локализуется либо в нижней части подола, либо занимает всю его переднюю часть. В последнем случае вышивка уже вполне может удовлетворять эстетический вкус, являясь украшением рубахи. Отдаленную аналогию подобной обрядовой значимости отдельных вышивок можно найти и у других народностей. В частности, думается, не будет особенно большой натяжкой рассматривать как обрядовые грудные вышивки с их подразделением на девичьи, женские и второмужние женские чуваш-анатри. Есть некоторые глухие воспоминания обрядового значения вышивки подола («эльдзеря») мордовской женской рубахи. Во всяком случае мордва д. Чамзино Ардатовского уезда Ульяновской губернии до сих пор помнит о том, что рубаху с «эльдзеря» нельзя было носить женщине 40 дней после родов.

Среди других деталей, имеющих обрядовое значение, следует отметить вышиваемые в Сернурском кантоне Марийской области знаки собственности. У некоторых мари они имеют тюркское название «тамга» или «тистэ» (ср. морд. «теште») — звезда. На боковом полотнище под рукавом (иногда на вороте) разноцветными нитями прокладывается небольшая вышивка. Подобные знаки сохранились лишь на женских рубахах, впрочем, может быть на мужских рубахах их никогда и не было. Необходимо подчеркнуть, что если в одной и той же семье было несколько снох, то каждая сноха отмечала свою рубаху знаком своих родителей, а не мужа. Эта деталь любопытна уже тем, что свидетельствует о материнской передаче этих знаков в каждое следующее поколение.

При изучении марийской вышивки обращает на себя внимание то обстоятельство, что в пределах Марийской области можно выделить известные замкнутые районы, в которых бытует определенная орнаментальная форма. Естественно, возникает вопрос об источниках этих форм, способах и путях их передачи. Кроме того, материалы отдельных собирателей, в частности С. К. Кузнецова, приурочивают известные типы узоров к определенным названиям марийских деревень и даже к конкретным родам. Разумеется, необходимо дальнейшее исследование этих материалов. Собираение и анализ вышитых на рубахах знаков собственности могли бы способствовать документальному установлению путей проникновения и распространения тех или иных узоров.

Особая роль вышивки в марийском быту выявляется и из ряда фактов, свидетельствующих о том, что вышивка служила не только украшением одежды. В современном Сернурском кантоне Марийской области до сих пор сохранился обычай снимать с больной женщины расшитый «шимакш» (головной убор) и вместо него надевать «шимакш» иного покроя из простого белого холста, а также заменять рубаху. Объяснение этому факту мы находим в том, что марийцы других районов с болезнью связывают воззрение, по которому больной человек переселяется в общество злых духов мужчин и женщин и становится членом их семей. Если болеет женщина, считается, что она вышла замуж за одного из злых духов. В д. Фаддейкине на больную до последнего времени надевали одежду, купленную для этой цели у незнакомых мари где-нибудь на базаре, объясняя, что в таком случае дух не найдет пути к этой семье, так как он узнает женщин только по одежде. Естественно, что вышивка является наиболее точным ориентиром для злых духов, поэтому вышитые части одежды моментально снимаются с больного. Впрочем, в данном случае важно не столько объяснение, сколько сам факт, подтверждающий то огромное значение, какое у марийцев имела вышивка. Из-

ложенному как бы противоречит другой факт. Если мариец не хочет показать злему духу путь в свой дом, он в известное время должен приносить жертву в священной роще в виде обещанных расшитых полотенец, которые вешаются на семейном дереве. Чем лучше качество вышивки, тем ценнее считается женская жертва.

В этой связи необходимо упомянуть об изготовлении смертной одежды у мари-язычников Моркинского кантона. В д. Азьял у некоторых старух приходилось видеть смертные рубахи с совершенно иной вышивкой, чем бытует там. Теперь в Азьяле вышивают нитями, окрашенными химическими красками, смертные же рубахи вышиты нитками, окрашенными мареной. По характеру эти вышивки напоминают старые марийские вышивки шерстью сплошного заполнения. Знаменательно, что старухи изготовили себе эти рубахи, копируя вышивку с рубах своих матерей и бабок по матери. До сих пор можно встретить мариек, которые хранят рубахи своих умерших матерей и бабок. Подобные факты известны и у других финских народностей Поволжья. Так, у мордвы Саратовской губернии в тех районах, где давно уже перестали носить национальную одежду, до сих пор шьют смертную одежду национального типа с вышивками. Об устойчивости этого явления говорит и категорический отказ женщин мордвы-те-рюхан Нижегородского уезда продать рубаху старого типа: «Берегу на смерть, писана по-старинному».

В заключение обзора обрядового значения вышивки необходимо сказать и о существующем у марийцев, мордвы и чувашей обычае после смерти женщины класть в ее гроб незаконченную ею вышивку. У мари с женщиной кладется не только вышивка, но иногда и одежда, какой-либо вышитый фрагмент одежды ее матери и бабушки, чтобы легче приняли покойницу в свое сообщество предки (по верованиям марийцев, в загробном мире покойники группируются большими семьями или родами). Значение вышивки в данном случае наиболее ярко подчеркивается самим содержанием ритуальных вещей погребения. В д. Руш-Роде нам удалось встретить указание на то, что даже лицо умершего мужчины покрывалось раньше куском холста с начатой вышивкой. Наконец, в тех районах, где распространен в качестве головного убора свадебный платок «солык» обычно с наиболее старинными вышивками, он употребляется женщинами для приношения на религиозный праздник «сюрэм».

Холст — материал, широко используемый для одежды, а следовательно и для вышивания, повсюду в районах расселения марийцев от Уржума до Бирска, от Кокшомар до Козьмодемьянска. Холст известен волжско-камской группе финнов с очень раннего времени как материал для одежды. Надо полагать, что у народностей этой группы и вышивание по холсту тоже является чрезвычайно старым слоем орнаментального искусства, а холщевая ткань издавна привычным материалом для нанесения орнамента. Правда, кроме льняных и конопляных тканей для вышивки используется иногда домотканное сукно (белое или черное). Однако, если в первом случае имеются вполне установившиеся технические и орнаментально оформившиеся приемы вышивания, что видно из простого наблюдения за марийской вышивкой по холсту, то во втором мы наблюдаем чрезвычайно расплывчатые формы технической и художественной передачи. Конечно, это еще не дает нам основания считать вышивание по шерстяной ткани более поздним явлением для марийцев, наоборот, наличие тамбурного шва и аппликации по шерсти позволяют говорить о чрезвычайной древности этого вида орнаментирования. Но у марийцев мы находим эту технику, безусловно, в рудиментарном либо исчезающем состоянии. Впрочем, шитье по шерстяной ткани в настоящее время бытует почти исключительно на черных марийских онучах и только изредка встречается на женских верхних одеждах «ош-мыжэр» (белый кафтан) или «шэм-мыжэр» (черный кафтан) в Моркинском и Мари-Турекском кантонах. Поэтому, когда приходится говорить о марийском вышивании, нужно иметь в виду вышивание по холсту.

В использовании ниток для вышивания в настоящее время прослеживаются

некоторые изменения. С одной стороны, в пределах современной Марийской области есть селения, где до сих пор нитяным материалом является шерсть, главным образом шерсть крученая. Эти селения группируются в пределах современного Краснококшайского и Оршанского кантонов, в бассейне М. Кокшаги и Ново-Торьяльском кантоне вдоль течения р. Нёмбы. На юго-востоке техника шерстяного шитья спускается в современный Моркинский кантон, проводя как бы границу с севера на юг по рекам Нёмбы, Визимке, Быстрой до среднего течения Илети.

Другая группа селений, характеризуемая техникой шелкового шитья (сырец), группируется в восточной части современной Марийской области в кантоне, главным образом Мари-Турекском, по рекам Буй, Ноля, Уржумка, тяготеющим к бассейну р. Вятки. На востоке эта техника господствует у современных восточных мари Бирского и Красноуфимского уездов.

Наконец, в пределах современного Сернурского кантона до настоящего времени встречается комбинированная техника: одни части одного и того же узора вышиваются шелком, другие — шерстью. В ареал вышивки шелком не следует включать горных мари (Козьмодемьянский и Юринский кантоны). У них действительно распространено вышивание шелком, но техника его совершенно иная, чем у мари Мари-Турекского кантона и восточных мари. Разница в вышивке примерно такая же, как между вышивкой вирьяльской группы чувашей и группы анатри. В то время как у восточных мари и мари Мари-Турекского кантона употребляется шелк-сырец красного и (реже) черного цвета, у горных мари мы наблюдаем часто вышивку из крученого шелка самых различных цветов. По локализации вышивок на одежде восточные мари и мари Мари-Турекского кантона близки мари с техникой вышивания шерстью, горные же мари более связаны с чувашами вирьяльской группы. Эти соображения заставляют выделить горно-марийские селения в особый ареал, причем к нему будут примыкать марийские селения Звениговского кантона по левобережью Волги.

В пределах упомянутых четырех районов необходимо отметить некоторые особенности технической обработки нитей для вышивания: если в современном Оршанском и Ново-Торьяльском кантонах мы встречаем технику маренной окраски шерсти для вышивания, то в Краснококшайском кантоне имеется ряд сел, перешедших к химической окраске шерсти или к покупной разноцветной шерсти. Точно так же в Моркинском кантоне в группе сел вокруг д. Азьял можно наблюдать вышивку, выполненную исключительно покупной шерстью. В этом же районе встречается и бумажно-шерстяная вышивка.

В качестве итога к характеристике материала, используемого при вышивании, следует отметить, что шитье шелком тяготеет к востоку по линии: Завятский край, через Вотскую автономную область к Башкирской республике. На юге техника шелкового шитья через горный край непосредственно примыкает к верховой группе чуваш. Техника шерстяного шитья в ее чистом виде сосредоточена в центральной части современной Марийской области и тяготеет к лесным дебрям.

The Embroidery by the Mari People

This is a publication of a fragment from the manuscript by M. T. Markelov «The Cheremis Costumes», which was completed in the second half of the 1920s. The manuscript is deposited at the Mordovian Republic Local Culture and History Museum. Embroidery techniques and traditional ornaments are characterized. The publication was prepared by the head of Historiography Department of the Museum T. A. Shugurova.